

Н. А. НЕКРАСОВ

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ БИБЛИОГРАФА

(Посвящается Петру Александровичу Ефремову и Семену Афанасьевичу Венгерову)

I

Я познакомился с Николаем Алексеевичем Некрасовым в понедельник, 27 сентября 1871 года. Представил меня ему Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, у которого я за три дня до того провел вечер и который просил меня зайти в ближайший приемный (редакционный) день, то есть в понедельник. Щедрин был первый писатель, с которым я познакомился, приехав в Петербург с какими-то тремя рублями в кармане и с великими надеждами на свое блестящее будущее... Тогда - 20-летним юношей - я мечтал быть вторым Белинским - шутка сказать (*excusez du peu!*) {извините (*франц.*)} - которым зачитывался на гимназической скамейке... С детства меня непреодолимо влекло к книге, к чтению, а в годы ранней юности меня окрыляли великие мечты о литературной славе, о служении своей родине, своему народу, счастью и благу которого я, дескать, отдам всю свою жизнь, все свои силы и способности... Такие гордые и преувеличенные мечтания во мне, в тогдашнюю юношескую пору, были вполне понятны, потому что

Стремимся с силой роковой
Мы в юности к борьбе тревожной,
И нет для силы молодой
На свете цели невозможной...¹

II

В назначенное Щедриным время, в половине первого, я аккуратно вступил на подъезд (с Литейной улицы, ныне Литейного проспекта) дома А. А. Краевского и поднялся по лестнице в квартиру Некрасова, в приемных покоях которой помещалась и редакция "Отечественных записок". Взглянув мельком на чучело медведя (убитого Некрасовым в одну из охот), я снял свое подбитое ветром осеннее пальтишко, повесил его на вешалку и затем с некоторою робостью вступил в "святилище", каким представлял себе приемную комнату редакции... Не забудьте того обстоятельства, что тогда я еще в первый раз в жизни входил в помещение редакции, да еще какой редакции, - тех самых "Отечественных записок", которые считались (и по праву) лучшим журналом своего времени, тех самых "Отечественных записок", которые редактировали тогда такие люди, как Некрасов, Щедрин, Елисеев, где писал Н. К. Михайловский, - а его статьи, как и все нумера "Отечественных записок" 1868--1871 годов (то есть в бытность мою в 5-м, 6-м и 7-м классах новгородсеверской гимназии), проглатывались мною с жадностью от доски до доски, как говорится...

III

Войдя в приемную комнату, я увидел в ней только одного человека, что-то писавшего у конторки. Впоследствии оказалось, что это был известный беллетрист шестидесятых годов Василий Алексеевич Слепцов {В. А. Слепцов состоял тогда секретарем редакции "Отечественных записок", но с января следующего 1872 г. его место занял известный высокоталантливый поэт Алексей Николаевич Плещеев. (*Прим. Д. П. Сильчевского.*)}.

Слепцов был необыкновенный красавец, на вид так лет 35-ти, как мне показалось тогда, - красавец, подобного которому даже трудно и встретить.

Слепцов с утонченной деликатностью ответил на мой поклон, спросил, что мне угодно, и, когда я сказал, что явился сюда по приглашению Салтыкова, ответил:

- Не угодно ли вам сесть? - и, изящным жестом указав мне на ближайшее кресло, продолжал: - Михаил Евграфович здесь. Он у Некрасова и, вероятно, скоро выйдет сюда.

Я сел, но, скоро соскучившись ожиданием, подошел к Слепцову и заговорил с ним, предварительно осведомившись, не помешаю ли я его работе, на что он с той же изящной и предупредительной деликатностью ответил, что я нисколько ему не помешаю.

Так как мой тогдашний разговор со Слепцовым не относится к делу, то я его и опускаю здесь.

Не прошло, помнится, минут 15--20-ти моей оживленной беседы со Слепцовым, как дверь направо, закрытая портьерами, неслышно растворилась, и вошел Щедрин.

- А, вы здесь? - буркнул он, подавая мне руку. --Некрасов сейчас выйдет.

Обратись затем к Слепцову, Щедрин стал говорить с ним о составе будущей книжки "Отечественных записок", а я сидел и молча слушал.

Вскоре та же самая дверь с портьерами, направо в глубине комнаты, опять неслышно отворилась, и вошел человек, в котором я сразу узнал Н. А. Некрасова. Щедрин молча подозвал меня быстрым жестом правой руки; я сорвался с кресла и подошел к нему.

- Вот, Николай Алексеевич, этот молодой человек,-- как вас зовут, я забыл?..

Я назвал свое имя, отчество и фамилию.

- Так вот, - и, как будто сердясь па что-то, ворчливо, грубо и резко, продолжал Щедрин, обращаясь к Некрасову, - Дмитрий Петрович Сильчевский хочет сотрудничать у нас по отделу библиографии. Он был у меня, и я сказал ему, чтобы он пришел сюда и что только вы сами, переговорив с ним, можете решить - годен ли он для нас?

После этих слов Щедрин, вскинув пенсне на нос, быстро, нервно разгладив свои бакенбарды и быстро подойдя к Слепцову, стал продолжать с ним прежний разговор. М. Е. Салтыков-Щедрин был тогда энергичным, бодрым и резко-порывистым человеком, исполненным здоровья и силы, и нисколько не походил на того дряхлого и разбитого недугами старика в халате, каким увидел я его потом, девять с половиною лет спустя (24 февраля 1881 года). Некрасов, пожав мне руку, сказал: "Пожалуйте-ка сюда, в сторонку", - и отвел меня к одному из окон, выходящих на Литейную улицу.

Признаюсь откровенно, что я с некоторым страхом и трепетом даже, растерявшись и сконфузясь, стал сперва говорить с Некрасовым. Это происходило оттого, что он был моим кумиром с половины шестидесятых годов, что я знал все его стихотворения, как напечатанные в отдельных изданиях 1856--1869 годов, так и не попавшие в эти издания другие произведения поэта, начиная с 1838 года, - знал я все это наизусть, можно сказать, смотрел тогда на него, как на некое божество, и считал его величайшим из русских поэтов. Этому же убеждению я держусь и доньше, как совершенно правильного, кто бы там что ни говорил, - и считаю его истинно национальным и единственным великим народным певцом, воспевающим так, как никто, народную печаль и народное горе... Ласковый и сердечно-участливый тон некрасовского разговора скоро ободрил меня, и я совсем перестал стесняться в дальнейшей с ним беседе.

- Так вы хотите сотрудничать у нас! Но, прежде всего, скажите, отец, - "отец" было любимое словечко Некрасова, которое, как я тогда же заметил, он частенько-таки употреблял в разговоре иногда даже и некстати,-- почему вы думаете, что из вас выйдет непременно писатель?

- Мои сочинения были самыми лучшими в гимназии. - ответил я Некрасову.

Он весело усмехнулся и продолжал:

- Эх, отец, да ведь все мы - и вы, и я, и многие другие - писали лучшие сочинения в гимназии. Но ведь из этого еще нисколько не следует, чтобы из нас всех выходили писатели. А, впрочем...

Некрасов на минутку задумался и затем решил так:

- Вот что, отец, мы сделаем, я дам вам записку в нашу контору. Магазин Звонарева знаете?

- Знаю, - поспешно ответил я,-- это будет, когда дойдешь по Литейной до Невского, так повернуть направо, и в доме номер пятьдесят четыре магазин С. В. Звонарева. Я его заметил, идя к вам...

- Вот, вот, - перебил меня Некрасов. - Он самый и есть. Я напишу вам записку, что подателю предоставляется выбрать любые книги и взять их себе за мой личный счет. А вы выберете себе там, ну, скажем, книжки две-три из новеньких, таких, которые вы желаете разобрать у нас. Когда же вы их разберете, то снесите их к Елисееву. Он у нас этими делами занимается, он прочтет ваши рецензии и скажет вам, подходят ли они к нашему журналу и можете ли вы у нас сотрудничать. Григорий Захарыч!-- обратился Некрасов к одному из разговаривавших в стороне сотрудников.

Надо заметить, что в приемной комнате редакции "Отечественных записок" в это время уже находилось несколько сотрудников. Ни одного из них я в то время не знал.

На зов Некрасова к нам подошел высокого роста, несколько сутуловатый, по-видимому, старик (хотя ему тогда всего было только 50 лет) с замечательно умным выражением лица и с седою бородою библейского патриарха.

- Это - Григорий Захарыч Елисеев, - отрекомендовал его мне Некрасов. --А вас-то как звать, отец, я, грешен, и позабыл.

Я назвал себя.

- Так, видите ли, Григорий Захарыч, Дмитрий Петрович хочет попытаться рецензии у нас писать. Я дам ему записку в контору, он там выберет себе книги для разбора, а разбор их принесет вам на просмотр.

Елисеев и я молча поклонились и пожали друг другу руки.

Некрасов подошел к письменному столу, быстро набросал несколько строк на клочке бумаги, передал этот клочок мне и попрощался со мной.

Я обратился к Елисееву с вопросом, когда его можно будет застать дома, чтобы принести ему разборы книг, которые я выберу у Звонарева.

- Да всякий вечер я дома. Приходите так часов в семь. Мы чай пьем в это время, и кое-кто из нашей братии собирается почти каждый вечер у меня. Да вот вам - позвольте вас, господа, познакомить, это Александр Михайлович Скабичевский, - обратился Елисеев к подошедшему к нему в эту минуту очень тучному молодому человеку с апатичным лицом, которому было лет за тридцать.

Елисеев назвал меня г. Скабичевскому, и я с того времени стал добрым приятелем с нашим известным критиком.

Спрятав некрасовскую записку в боковой карман сюртука, я распрощался с Елисеевым и Скабичевским, опять вернулся к Некрасову и вновь попрощался с ним рукопожатием, а потом,

отыскав Щедрина, с кем-то громко и с резкими окриками говорившего, попрощался и с ним и поблагодарил его за то, что он познакомил меня с великим национальным русским поэтом...

IV

Тогдашняя наружность Некрасова очень удачно была схвачена на его известном портрете, написанном знаменитым нашим художником-портретистом Иваном Николаевичем Крамским². Худощавый, с впавшими щеками и желто-лимонного цвета лицом, он говорил каким-то хриплым, но вполне внятным полусшепотом, причем ясно и твердо отчеканивал слова.

Одно, чего не мог уловить Крамской, - это выражения глаз Некрасова. Трудно, даже прямо невозможно, описать его глаза... Боже мой, что это были за глаза: они пронизывали вас насквозь, как будто читали в вашей душе, и чудесно искрились в зрачке... Эти глаза и теперь, когда уже более тридцати лет прошло после моей первой с ним встречи, - да, эти некрасовские глаза и теперь часто искрятся передо мною, когда я вспоминаю о нем, - и вот, в настоящую минуту, когда, в глухую, позднюю ночь, пишу я настоящие строки, некрасовские глаза вновь сверкают и искрятся передо мною... И это не обман зрения, не галлюцинация!.. Да! таких глаз я не встречал ни прежде, ни после (да, наверное, никогда и не встречу).

Я выбрал всего только одну книжку по некрасовской записке в книжном магазине С. В. Звонарева (это была "Эмма", социально-демократический роман известного Швейцера). Быстро прочитав ее, я написал разбор и отнес его к Елисееву, а за ответом, как назначил он мне, я пришел к нему через три дня.

- Я немного переделал было начало вашей рецензии и решился пустить ее в следующую книжку "Отечественных записок", но сюда утром заезжал ко мне Некрасов, он тоже захотел прочесть вашу рецензию, - чего обыкновенно он с рецензиями не делает, предоставляя их всегда на мое усмотрение, - но вами он почему-то заинтересовался, когда беседовал с вами.

Таковы были, после обычного приветствия, первые слова Г. З. Елисеева.

- Что же сказал Некрасов? - с нетерпением перебил я Елисеева.

- А сказал, что рецензия ваша слабовата, но что, если вы непременно этого желаете, ее можно напечатать, но не иначе, как с переделанным мною началом. Но Некрасов лучше советовал вам не делать этого. Затем он просил передать вам, что он убежден в том, что вы будете журналистом, рано или поздно станете в наши ряды и уж не покинете их... Да, это не только мнение Некрасова, но и мое собственное мнение: *вы будете журналистом!* -- твердо и отчетливо выговорил Елисеев, смотря на меня.

Я взял у Елисеева свою рецензию, разорвал ее и бросил клочки ее в корзинку с ненужными бумагами³. Затем я спросил у Елисеева:

- Не говорил ли еще чего-нибудь Некрасов насчет меня?

- Да, действительно, говорил. Он просил передать вам, что вам еще много нужно учиться, запасаться знаниями, прежде чем выступить в литературе. Это опять-таки тоже и мое мнение.

Поздно в тот вечер я вернулся от Елисеева и - с того времени ревностно исполнял совет Некрасова (впрочем, этому совету я следовал и прежде), - учился и учился. Публичная библиотека, с первого же дня моего прибытия в Петербург, видевшая меня ежедневно в своих стенах, стала для меня кладезем всевозможных знаний и сведений.

V

Во второй раз я увиделся с Некрасовым в апреле 1874 года, в один из тех ярких весенних солнечных дней, какими иногда дарит нас сумрачно-серый Петербург, наша скупая и скудная северная природа.

Было около 10 часов утра, и я, выйдя купить бумаги и еще каких-то необходимых для одинокого жильца меблированной комнаты от хозяев вещей, возвращался домой, идя по направлению от Бассейной к Малой Итальянской, в дом No 52 (гробовщика Шумилова), квартиру No 22, где я жил в 1874--1876 годах. Идя по тротуару задумавшись, я неожиданно-негаданно наткнулся на шедшего ко мне навстречу господина.

- Ух, отец, нельзя же бродить сонному по улицам, да еще и на людей наткаться...

С изумлением я очнулся от глубокой задумчивости (а может быть, и в самом деле от дремоты, так как провел ночь за работой), в которую незаметно погрузился, идя машинально вперед по тротуару, поднял глаза и - узнал стоявшего передо мной Некрасова, с дымящейся сигарой в левой руке. Я узнал его сразу, да и он, как мне показалось, тоже узнал меня. Я совсем не изменился за два с половиною года, протекшие со дня нашего первого свидания.

- Что это вы, отец? - спросил Некрасов.

Я стал быстро и порывисто рассказывать, что я делал за эти протекшие два с половиною года (с того времени, как мы виделись у него в редакции), что я делаю теперь и что намерен делать впоследствии.

Некрасов молчал, слушал меня, не перебивая ни разу, попыхивая сигарой, синий дым которой вился в светлом весеннем воздухе.

Когда мы дошли до подъезда его квартиры, Некрасов сказал мне:

- Вот что, отец, занимайтесь делом, а не пустяками и не разбрасывайтесь по сторонам, ни в жизни, ни в сочинениях. Не библиография важна, важно только одно-- любить народ, родину, служить им сердцем и душой. Работайте, учитесь и учите других, и господь с вами!..

Некрасов пожал мне крепко руку, входя в подъезд, и" на прощанье, взглянув опять на меня своими удивительными, несравненными глазами, произнес:

- Да не очень-то громко трещите так обо всем, - понимаете: потише, полегче... Язычок-то ваш вы бы как-нибудь укоротили себе... Не обижайтесь! Любя, жалея вас, говорю это вам, отец... Вы - умный человек и сами хорошо понимаете, что думать можно обо всем, но говорить вслух о многом нельзя... Ну, да хранит вас бог!..

Восторженный, почти до экстаза настроенный вернулся я домой. На столе лежали формы {Первые корректуры с большими полями, на которых можно вносить несравненно больше дополнений, чем в гранках (столбцах), не говоря уже о сверстанных печатных листах. (Прим. Д. П. Сильчевского.)}, не dokonченные мною в минувшую ночь,-- но мне было уже не до корректур (хотя я очень хорошо знал, что на следующий день утром придет рассыльный или сторож из типографии В. П. Безобразова и К^о (на Васильевском острове) за этими формами "Дополнения к настольному словарю Толля", над которым я усиленно и форсированно работал в 1873--1876 годах... Да, мне тогда было не до корректур, не до библиографии, не до писания. Подумайте только, что случилось со мною в то утро?! Я с гордостью и сто раз пародировал известные стихи Пушкина о нем самом, когда его отличил Державин... Я неустанно повторял:

Поэт Некрасов нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Хотя, на самом-то деле, Некрасову оставалось тогда до гроба еще добрых три с половиною года, да и этого тогда ни я, и никто не знал, и все мы думали, что наш, всеми нами - тогдашней чуткой и отзывчивой молодежью - любимый и дорогой для России поэт проживет еще долгие годы. "Не так ждалось, да так склалось", гласит украинская поговорка...

Увиделся я еще в третий и в последний раз в марте 1876 года, но при этом мы уже не обменялись с ним буквально *ни единым словом*. Произошло это так. На первой неделе поста я зашел к Вас. Петр. Печаткину, в его книжный магазин (вернее сказать: склад старых и новых книг и разного археологического старья и хлама, доставшегося В. П. Печаткину от обанкротившегося А. А. Старчевского, а последнему доставшегося от строителя Исаакиевского собора, известного в свое время архитектора Монферрана. Между разным старьем тут же хранилась и кровать злополучной французской королевы Марии-Антуанетты. Магазин или склад В. П. Печаткина, этого старого денди старца скаредного вида, помещался тогда внутри Гостиного двора). Лишь только я начал было говорить со стариком о делах по "Дополнению к настольному словарю Толля", как дверь отворилась, и вошел Некрасов.

Взглянув на меня - по его глазам я сразу же увидел, что он опять узнал меня, как и два года тому назад, -- Некрасов пожал мне руку и прямо обратился к Василию Петровичу Печаткину с такими словами:

- Что, отец, пост теперь? Немного-то теперь наторгуешь. А вот я с вами, отец, пришел посчитаться да мошну-то вашу порастрясти хорошенько...

Видя, что разговор у них тут пойдет деловой и о деньгах {В. П. Печаткин как раз перед этим издал новое, для того времени самое полное собрание "Стихотворений Н. А. Некрасова" (СПб. 1876, 3 тома в 6-ти частях)⁴, да кстати переиздал и давно забытый Некрасовым грех его ранней юности "Сказку о Бабе-Яге, костяной ноге", первоначально изданную петербургским книгопродавцем конца 1830-х и начале 1840-х гг., В. П. Поляковым. (Прим. Д. П. Сильчевского.)}, я, сочтя свое присутствие при таком разговоре неудобным, решил отложить свои (тоже деловые и денежные) объяснения до следующего дня и, пожал руку Некрасову и Печаткину, вышел на свет божий и поспешил по соседству в императорскую Публичную библиотеку, чтобы опять поработать в ней все над тем же "Дополнением к настольному словарю Толля". (Я работал над этим "Дополнением" дома по ночам, а днем в Публичной библиотеке.)

Больше я никогда с Некрасовым не виделся, хотя судьбе угодно было, чтобы он сыграл дважды (в 1876 и 1877 годах) решающую роль в моей жизни⁵.

Примечания

Дмитрий Петрович Сильчевский (1851--1919) - библиограф, участник народнического движения. Его демократические убеждения сложились под воздействием поэзии Некрасова. Сильчевский вспоминал, как он "с детства возвеличивал" поэта "выше облака ходячего", ставил его "чуть ли не наряду с Гомером и Шекспиром" (*ИРЛИ*, ф. 203, ед. хр. 89). С "юношеской горячностью" он спорил с противниками Некрасова, отказывавшими ему в звании народного, национального поэта (Д. П. Сильчевский, Из воспоминаний о Г. И. Успенском. - "Новости и биржевая газета", 1902, No 84). В 1877 году Сильчевский - студент Петербургского университета, находившийся под надзором полиции, - был арестован и выслан из Петербурга. Он был обвинен во "вредной антиправительственной деятельности", которая, в частности, выразилась в том, что Сильчевский 3 февраля 1877 года на вечере в клубе художников во время разговора о стихах Некрасова (из цикла "Последние песни") предложил составить адрес поэту и "прочел проект такого адреса". "В этой рукописи, весьма краткой, было сказано, что народ не забудет творчества Некрасова и что он будет вечно в народной памяти" (из агентурного донесения; опубликовано С. Макашиным в кн. "М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников", Гослитиздат, 1957, стр. 349). Адрес был одобрен, подписан и вручен Некрасову (см. стр. 450).

Воспоминания Д. П. Сильчевского дают представление об отношении революционной молодежи к поэту, а также о работе редакции "Отечественных записок".

Печатается по тексту газеты "Новости и биржевая газета" (1902, No 356 от 28 декабря).

¹ Стр. 264. Автор стихотворения не установлен.

² Стр. 268. Речь идет о портрете Некрасова, написанном И. Н. Крамским по заказу П. М. Третьякова в 1877 г.

³ Стр. 270. Рецензия на роман "Эмма" Ф. Швейцера появилась в "Отечественных записках" (1871, No 10). Автор ее неизвестен.

⁴ Стр. 272. Неточно. Последнее прижизненное издание "Стихотворений" Н. А. Некрасова (три тома, шесть частей) вышло в 1873--1874 гг.

⁵ Стр. 273. Имеются в виду хлопоты Некрасова за Д. П. Сильчевского во время его арестов в 1876 и 1877 гг. Первый раз он был арестован в мае 1876 г. за хранение запрещенных изданий. И? Дома предварительного заключения Сильчевский обратился к Некрасову с большим письмом, в котором он вспоминал о своей первой встрече с ним, рассказывал о своих занятиях по библиографии, об аресте. Сильчевский просил Некрасова взять его на поруки. "Ради бога, посоветуйтесь с моим добрым другом, знаменитым собратом по библиографии Ефремовым, - писал он. - И если нельзя будет на поруки, то возьмите хоть разрешение на свидание со мной (разрешение для Вас и для Ефремова) - я и тому уж буду рад, что увижу человеческое лицо" (*ИРЛИ*, ф. 203, ед. хр. 89).

В "некрологической заметке", посвященной памяти П. А. Ефремова, Сильчевский писал, как Ефремов ("вместе с Н. А. Некрасовым, лично знавшим тогдашнего шефа жандармов), пользуясь своими связями и знакомствами, выхлопотал высочайшее повеление о моем освобождении (с отдачей лишь под гласный надзор полиции)..." ("Минувшие годы", 1908, No 1, стр. 293). О хлопотах Некрасова за него после второго ареста (февраль 1877 г.) Сильчевский рассказал в воспоминаниях о своем товарище детства, известном народовольце, изобретателе Н. И. Кибальчиче (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов, Некрасов в кругу современников, Гослитиздат. Л. 1938, стр. 222).